

Андрей Жвалевский
Евгения Пастернак

Грабли сансары

Андрей Валентинович Жвалевский
Евгения Борисовна Пастернак
Грабли сансары
Серия «Время – юность!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41452060

*Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак. Грабли сансары : повесть:
«Время»; Москва; 2019
ISBN 978-5-9691-1818-8*

Аннотация

Ранняя беременность может проходить идеально, но без последствий не остается никогда. Кто-то благодаря этой ошибке молодости стремительно взрослеет, кто-то навсегда застывает в детстве. Новая повесть Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак состоит из двух частей. Они очень отличаются по настроению. И если после первой части («Сорок с половиной недель») вы почувствуете грусть и безысходность, не отчаивайтесь: вторая часть добавит вам оптимизма. Тест-читатели по-разному оценивали «Грабли сансары», но фразу «не мог оторваться» повторяли почти все. Пр процитируем один отклик, очень важный для авторов: «Не могу написать сухую рецензию. Слишком много личного. Никудашный я тест-читатель на этот раз... Но вам огромное спасибо. Вместе обе части получились такими

глубокими и близкими. Я учусь выходить из круга сансары.
Спасибо».

Содержание

Информация от издательства	5
Часть 1. Сорок с половиной недель	6
Нулевая неделя. Жизнь – борщ	6
Пятая неделя. Страшная тайна	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак Грабли сансары

Информация от издательства

© Жвалевский А. В., Пастернак Е. Б., 2019

© «Время», 2019

* * *

*Авторы благодарят доктора Антониса
Джозефа за профессиональную консультацию и
Светлану Хлебникову за идею названия книги*

Часть 1. Сорок с половиной недель

Нулевая неделя. Жизнь – борщ

– А вы не обнаглели вообще? – крикнула Лариса, открыв холодильник.

Ей никто не ответил.

Лариса повысила голос:

– Я корячилась полночи, я вам борщ варила! Кастрюля третий день нетронутая!

Реакции снова не последовало. Разве что телевизор в гостиной чуть увеличил громкость.

Лариса, все еще в огромном пуховике, на котором снежинки превращались в капли, направилась в гостиную. Там лежал муж и не отводил взгляда от рекламы прокладок. Перед Алексеем стояла почти пустая миска с чипсами. Весь вид его говорил: «Давай пили меня, мне по барабану».

Лариса, гремя тапками, пронеслась через всю квартиру, ворвалась в комнату дочери и сорвала с нее наушники.

– Что ты ела? Что ты ела, я тебя спрашиваю!

– Бутеры, – ответила Ася, – не ори.

– Ты своими бутерами себе скоро наешь пузо, как у отца!

– Вот когда наем, тогда и поговорим, – вяло отмахнулась Ася.

– Встала! И иди поешь нормально! – приказала мама. Ася закатила глаза.

– У мамы приступ заботы, – съязвил оторвавшийся от телевизора отец, – вспомнила о нас.

Все трое пришли на кухню. Лариса распахнула холодильник.

– Вот! – ткнула она в кастрюлю. – Целая кастрюля борща! Поставить на плиту и разогреть – это проблема? Или, если вы оба боитесь плиты, разлить по тарелкам и погреть в микроволновке! Это непосильная задача для двух взрослых людей?!

– Лара, – папа скривился пуще прежнего, – откуда мы знали про борщ? Ты никому про него не сказала, а теперь...

– А позвонить?! – теперь мамин голос грохотал по кухне, как артиллерийская канонада. – А заглянуть в холодильник?! Ты, писатель великий, сообразить не мог?!

– Ну всё, поняли! – сказала Ася и села за стол. – Давай уже грей свой борщ!

– Сами грейте! – Мама захлопнула дверцу холодильника так, что внутри что-то упало и, кажется, разбилось.

Теперь закатил глаза отец.

– У мамы же бизнес! – Отец вложил в слово «бизнес» все свои запасы яда. – А сегодня у нее кормление семьи по расписанию, так что терпим.

– Хватит тут мне страдать! – рявкнула мать. – Ася, тебе полгода до конца девятого класса осталось! А с твоими оцен-

ками в десятом делать нечего! Имей в виду: или ты выходишь хотя бы на четверки, или после девятого – работать! Хватит у меня на шее сидеть.

«Ну все, – подумала Ася, – понеслось... Сдохнуть бы...» Ася привычно представила, как она лежит мертвая, а все стоят вокруг и понимают, как были несправедливы к бедной девочке.

Мама тем временем разлила борщ по тарелкам. Она разогревала и метала тарелки на стол, оставляя кровавые следы. Лицо у нее было свирепое.

«Не буду!» – решила Ася. Но пахло вкусно. Она сглотнула. И снова сглотнула. Слюна наполняла рот с угрожающей скоростью. Ася схватила ложку и принялась есть.

* * *

Спала она тяжело. Переполненный живот бурлил и заставлял ворочаться с боку на бок. Сон был муторный, монотонный, что-то повторялось раз за разом – но что именно, Ася вспомнить не смогла. Это добавило раздражения от жизни.

В школе Асе очень хотелось с кем-нибудь сцепиться, но повод не подворачивался. Учителя на нее внимания не обращали, работая с теми, кто планировал учиться дальше. Вот и сейчас классная бубнила что-то про внешнюю политику СССР, обращаясь к нескольким отличницам.

Ася осмотрелась. Через проход от нее сидели друг за дру-

гом Алина и Анжела, двое из «Три А» – самые крутые девочки в классе. Настя, то есть Анастасия, третья «А», тусовалась сегодня на последней парте, кадрия очередного парня.

– А чего это вы не по рассадке? – громко спросила Ася. – Типа самые хитрые? На один вариант сели перед контрольной?

Алина даже не повернула голову, Анжела лишь скользнула по Асе взглядом. Ася почувствовала себя тараканом, которого никто не замечает.

Унылый сосед по парте вообще ни на что не реагировал по жизни. Ася нагло вырвала у него ручку.

– Это моя ручка! – заявила Ася. – Ты ее у меня украл!

Сосед думал несколько секунд. Затем, не меняя сонное выражение лица, достал из рюкзака вторую ручку и принялся писать ею.

Ася с трудом подавила в себе желание заорать. Обвела взглядом одноклассников. Никто на нее не смотрел. Тогда она вскинула руку.

Классная спросила:

– Что тебе?

– Можно выйти?! – спросила Ася так, как будто милейшая Ольга Егоровна была виновата во всех ее бедах.

– Конечно. Что-то случилось?

– Ага! – Ася направилась к выходу и неожиданно для себя брякнула: – Я беременна!

Ей удалось добиться реакции класса. Кто-то захихикал,

кто-то посмотрел на нее с интересом, кто-то повертел пальцем у виска.

– Не отвлекаемся! – Ольга Егоровна постучала указкой по столу. – На чем я остановилась?

Последнее, что увидела Ася, бросив прощальный взгляд на класс, – ряды затылков.

* * *

Чтобы не шататься по коридорам и не нарваться на директора (или хуже того – кого-нибудь из завучей), Ася отправилась в медпункт. Медсестре соврала, что у нее болит живот.

– Месячные? – спросила та без особого интереса.

Ася помотала головой, вспомнила вчерашнее и сказала:

– Мама борщ сварила из какой-то тухлятины!

Медсестра выдала таблетку и протянула стакан воды. Проглотив лекарство, Ася изобразила жалостливую мордочку и спросила:

– А можно я тут посижу?

– Только до звонка, – разрешила медсестра. – А с зубами у тебя что?

– С зубами? – удивилась Ася.

– Ну... у тебя лицо сейчас такое было...

– С зубами все ок, – сказала Ася.

Когда медсестра погрузилась в свой телефон, Ася осторожно повернулась к зеркалу на стене и снова попыталась

изобразить жалостливую мордочку. Когда-то это выражение лица заставляло маму (и временами папу) умильно улыбаться и прощать «бедную девочку» за все. Сейчас жалостливая мордочка напоминала гримасу из фильма ужасов.

Ася отвернулась от зеркала и стала думать о ближайшем будущем.

Навалиться на учебу, чтобы исправить свои тройки на четверки? А смысл? Чтобы потом еще два года зубрить никому не нужные параграфы? Потом психовать, сдавать ЕГЭ – чтобы снова зубрить? Уходить работать, как пригрозила мать? Нет, понятно, что она сгоряча ляпнула... Или нет? И кем Асю возьмут работать? В голове почему-то возникло слово «прядильщица-мотальщица» и фотография мордатой тетки на фоне каких-то станков. Асю передернуло так, что медсестра на нее покосилась.

– Отрыжка! – объяснила Ася, и медсестра вернулась к телефону.

Был еще третий вариант, который мама не упоминала, но Ася подозревала, что именно этим дело и кончится. Колледж. Среднее специальное, чтоб оно сдохло, образование. Сочетание минусов работы с огромными минусами зубрежки.

Жизнь – борщ.

Единственное приятное ощущение за последние дни – это когда весь класс среагировал на ее прикол про беременность.

«А может, правда? – подумала Ася. – Залететь?»

Точно не придется учиться – это раз.

И работать ее никто не заставит. Сколько там длится декретный отпуск? Три года? Это целая эпоха!

А самое главное – все будут жалеть и сочувствовать. И мамочка будет вокруг нее на цыпочках ходить... Или не будет? Или потребует, чтобы Ася сделала аборт? Ася, конечно, посопротивляется, но подчинится. И потом будет так страдать, так страдать... И все – опять же – будут ее жалеть! И мамочка будет перед ней кругом виновата!

– Чего улыбаешься? – голос медсестры заставил вынырнуть из размышлений.

– Таблетка подействовала! – ответила Ася.

– Тогда дуй на уроки. Звонок уже был.

* * *

Дома Ася первым делом уселась гуглить. Подросток и беременность – эта тема оказалась неисчерпаемой и драматичной.

Больше всего было историй аборт, и, поразмыслив, Ася поняла, что этот вариант ее полностью устраивает.

На раннем сроке практически безопасно, делается под наркозом – поспала, проснулась, и все дела. А крику вокруг вагон. А главное, все статьи, которые она прочитала, заканчивались тем, что мама смотрела на дочку другими глазами, понимала, что что-то там упустила в ее воспитании, начина-

ла уделять ей время. Одна психолог так прямо и писала, мол, беременность вашей дочки – это ваш, мамский, просчет. Все можно было бы предотвратить, если бы были вместе с ней, и ей бы не пришлось искать любви на стороне. С ней, понятно? А не с закупками и не с цветочками!

Выкусишь, мамочка! Я тебе устрою родительский позор. А главное, по всяким директорам в школе тоже будут родителей гонять – с нее-то что взять? Она дурочка несовершеннолетняя. Она могла вообще не знать, откуда дети берутся, это же информация 18+!

И наверное, эта идея так и осталась фантазией, если бы вечером не позвонила мама и не погнала ее в магазин.

– Но я только села за уроки! – взывала Ася.

Магазин был в соседнем квартале, но погода на улице была такая омерзительная, что ни один нормальный человек дочку бы туда не отправил. Главное, мама-то на машине! Сама в тепле домой поедет, в креслице мягоньком будет сидеть, а Асе сейчас, значит, нужно встать, посреди серии «Сверхъестественного» все бросить и идти в холод и темноту?

– Яйца и молоко. Или отец опять бутербродов наестся, – холодно сказала мама.

– Мам, ну зарули в гипер по дороге, в чем проблема? – сказала Ася.

– Проблема в том, – отчеканила мама, – что ты, мягко говоря, обнаглела.

– Я обнаглела? – Ася задохнулась и чуть не бросила труб-

ку.

– У меня поставка под вопросом, я буду дома только в районе одиннадцати. А мне еще и в магазин ехать? Ты там все равно сериалы смотришь... Я всю твою жизнь на тебя горбачусь, вырастила эгоистку...

– Я уроки делаю! – обиделась Ася.

– Яйца и молоко. И сделай омлет, если отец сам не в состоянии.

Мама отключилась, и Ася гаркнула в тишину:

– Я тебе прислуга, что ли? Я не нанималась!

У нее от злости свело зубы.

Папу как уволили из его заводской многотиражки, так он работу найти не может. Или не хочет. Говорит: «Я полжизни главным редактором отработал, а мне предлагают на каких-то сайтах ошибки исправлять!» Сидит целыми днями перед теликом, а всем рассказывает, что пишет книгу... Мать на работе постоянно. Главное, хоть бы деньги зарабатывала! Подруг домой стыдно позвать, квартира как из прошлого века. Еле упростила ковер у нее в комнате со стены снять, а у родителей в спальне так и висит. Позорище...

– Отец, иди жри сам, мама не придет, – крикнула она как можно громче.

Услышала привычное: «Как ты с отцом разговариваешь, неблагодарная ты... бубубу...»

– В магазин сам иди! – крикнула она вдогонку и выскочила из квартиры, хлопнув дверью.

«Гриша, родаки дома?» – написала она уже из тамбура. Вместо ответа распахнулась дверь соседней квартиры. – Отец спит, – сказал сосед, – так что тихо заходи. И Ася тихонько просочилась в коридор. – С родителями поцапалась? – спросил Гриша. – Ай, – ответила Ася.

И Гриша не стал задавать вопросов, просто уткнулся опять в свой комп, а Ася уселась досматривать сериал на телефоне. У Гриши в комнате было клевое кресло, можно было вытянуть ноги, запихнув под спину разноцветные подушки.

Но даже развалясь в любимом кресле, Ася не могла сосредоточиться, все думала о том, что родителям на нее наплевать, что мать ее не любит, обращается с ней как с собачкой и что нельзя позволять так к себе относиться.

С рождения Асю окружали цветы. Все было в цветах; ходить, говорят, она училась между цветов и в них же спала. Мама родила и пошла работать продавщицей на точку, которая была прямо в их доме. Это типа героизм. Хотя, честно говоря, что в этом всем героического, Ася так и не поняла. Ну сидела себе мама в киоске, ну продавала. Ася спала в коляске рядом. Что сложного? Когда Асе исполнился год, маму понесло, она возомнила себя непонятно кем, развела бизнес и с тех пор все свободное время торчит в магазинах: то у нее поставка, то у нее первое сентября. Вон у Гриши отец хирург и тоже все время на работе, так у них же квартира как у лю-

дей! И вообще... Гришеньку любят, мама над ним трясется, в магазин его среди ночи никогда не погонят...

Мысли у Аси скакали, она все больше себя накручивала и все больше думала о том, что если бы она была беременна... И тут пазл сложился.

– Гриша! – выпалила она. – Займись со мной сексом.

– Чё? – спросил Гриша и вытащил один наушник.

– Я хочу заняться сексом, – отчетливо сказала Ася.

– Чё? – еще раз спросил Гриша.

И Ася взорвалась. Орала она полушепотом, помня, что в соседней комнате спит Богдан Семенович, что он, скорее всего, после ночной срочной операции и будить его нельзя.

– Я что, все объяснять должна? Что тебе еще сказать? Я что, должна просить? Почему нет?

– А почему, собственно, да? – спросил Гриша.

Но смотрел он уже не как вначале, а заинтересованно.

– А почему нет? – еще раз вызывающе поинтересовалась Ася.

Гриша рассматривал ее уже откровенно оценивающе. Асе стало не по себе, но она из принципа выпятила грудь и тут же пожалела об этом. Бюст у нее не был чем-то выдающимся. Да и вообще у нее мало выдающегося. Нос разве что...

А Гриша... Когда-то они изображали жениха и невесту, на радость папам и мамам. И окружающие цокали языком: «Ах какая красивая пара!» Причем в этой паре Ася была красивой, а Гриша – мальчиком при симпатичной девочке.

Было это лет десять назад, когда Ася собиралась в школу, а Гриша перешел во второй класс. Но потом нагрянул чертов переходный возраст и Ася превратилась во что-то невзрачное и нескладное, а Гриша – в широкоплечего и высокого... нет, не красавца, но девчонки на него вешались. И даже взрослые девушки.

Ася поняла, что уже не выпячивает грудь, а пытается сужиться поплотнее.

– Ась, – сказал сосед мягко, – ты классная и все такое...

– Да пошел ты! Придурок!

Дома Асю не ждали. Отец, похоже, даже не заметил ее отсутствия. Но и вопрос с магазином отпал, перед телевизором дымился свежесваренный «Роллтон», и отец потирал руки в предвкушении.

* * *

Остаток недели Ася провела в анабиозе. Уроков не делала принципиально. Двойки ее не парили. Мать пыталась что-то вякать, но Ася огрызалась:

– Да какая разница? Все равно пойду на ткацкую фабрику пахать! Или куда ты меня определила?

Отец в разборках участия не принимал, листал каналы на телевизоре и иронично поднимал бровь. Когда скандал достигал апогея, папа демонстративно садился к ноутбуку, надевал наушники и делал вид, что погружен в сочинение кни-

ги. Мама, у которой на носу был ежегодный аврал по случаю Дня святого Валентина, пригрозила, что поговорит потом, – и оставила Асю в покое.

Ася пересмотрела всех «Сверхов» и взялась за «Игру престолов». Это ее взбодрило. Когда Неду Старку отрубили голову, Ася не поверила своим глазам и перемотала серию чуть назад. Неда казнили во второй раз. Ася поняла, что мир еще несправедливее, чем казалось ей час назад. Нед был чуть ли не единственным персонажем, который ей нравился (ну ладно, карлик Ланнистер тоже прикольный), – и на тебе!

Она решила прогуляться, чтобы прийти в себя. Мама, как обычно, задерживалась, а папа торчал в телике, поэтому ее уход не заметил. Но далеко уйти не удалось. Пока ехала в лифте, позвонил Гриша.

– Ася, – сказал он, – ты не могла бы зайти ко мне?

В этот момент Ася поняла, почему девчонки на него ве-
шают. Голос у Гриши был такой... низкий? Обволакива-
ющий? Глубокий? Она не могла бы подобрать нужное сло-
во, даже если бы что-то соображала в этот момент. Но Ася
начала соображать, когда обнаружила себя в прихожей сосе-
дей. Гриша галантно снимал с нее куртку. Ася перепугалась
и вцепилась в рукава.

– Ась! – Гриша смотрел ей в глаза и говорил все тем же
голосом удава Каа. – Все будет хорошо. Поверь мне.

Она поверила. Позволила снять куртку. А когда Гриша
расшнуровал ей кроссовки, сердце Аси чуть не разбилось о

ребра. А потом Гриша привел ее в свою комнату. Там горели свечи. На столе стояла бутылка шампанского и два бокала.

И лежал презерватив.

Ася видела этот предмет раньше, когда к ним в школу приходили какие-то просветители и рассказывали о СПИДе.

Мозг Аси врубился на полную катушку.

– То есть... ты... – начала она, но Гриша взял ее за руки и перебил:

– Прости, что я в прошлый раз растерялся. Дурак был.

Ася не сводила глаз с презерватива.

– Но потом подумал... Ты ведь и правда классная!

Руки Гриши легли на ее плечи и принялись легонько поглаживать их.

– Если ты не передумала... это будет честь для меня.

«Будет честь для меня».

Слова были из книжки или даже из какого-то глупого любовного сериала, но сейчас они прозвучали совсем не смешно. И не пафосно.

Ася глядела на презерватив. Все ее планы о беременности ожили.

– Папу в больницу вызвали, это часов на пять. – Гриша говорил, а руки его спускались все ниже. – А мама умотала к тете Инне в Воронеж. На день рождения...

Руки были уже под рубашкой Аси. Очень теплые, мягкие и сильные руки.

– Поэтому, если ты все еще хочешь... Ты не волнуйся, я

приму все меры безопасности...

– Я согласна! – сказала Ася. – Только давай без мер безопасности!

– Уверена? – Пальцы Гриши остановились в нерешительности.

– Мне сегодня можно! – Ася обняла Гришину шею. – Сто процентов!

Гришу не убедили Асины «сто процентов», потому что руки вдруг стали твердыми и чужими.

– А если ты болезней всяких боишься, – торопливо добавила Ася, – то не бойся. Ты у меня первый!

И она прижалась губами к его шее.

Руки Гриши снова ожили и даже слегка задрожали...

* * *

Домой Ася пришла через три часа.

Она аккуратно выскользнула из соседской двери и нырнула в свою.

Она хорошо помнила, как пару лет назад начала скачкообразно расти и вдруг мир сделался меньше. Меньше комната, меньше лифт. Когда-то еле дотягивалась до кнопки, а вот она в районе живота. Как так случилось? Когда?

И сейчас она шла и не понимала, как все могло так измениться? Что произошло? Подкрутили яркость? Добавили еще пару D в привычный трехмерный мир?

Ася не слышала, что говорила мама, что бубнил отец, она закрылась у себя в комнате и свернулась калачиком. Ей хотелось сохранить это ощущение навсегда. Она обняла подушку и улыбнулась.

В голове было пусто, и не думалось ни о чем.

Она сделала это. Она стала женщиной. Настоящей женщиной. И теперь все будет по-другому. У нее теперь будет любовник. И будут волшебные встречи. Обязательно будут! Во всех сериалах так. Сначала не очень, а потом волшебные встречи. Главное, что теперь для этого нет никаких препятствий. А Гриша классный... С ним было не страшно... И почти не больно...

Ася так и заснула, не раздеваясь и обняв подушку. И утром встала тихая, обнаружила у себя в телефоне: «Ты как?» – и искренне написала: «Счастлива».

«Ты клевая», – ответил Гриша.

«Я знаю», – написала она.

Непонятно откуда взялась смелость, вообще непонятно откуда взялось все, но когда Ася вошла в класс, одноклассники как по команде повернулись в ее сторону. В другой день Ася бы испугалась, но сегодня только расправила плечи. Подумаешь! Дети они все. А она стала взрослой. И ей не о чем с ними разговаривать.

Вот честно, про возможную беременность Ася и думать забыла. У нее теперь была тайна. Она ее смаковала, она вспоминала подробности. Иногда они переписывались с Гришей, и это было фантастически возбуждающе. Он интриговал. Он обещал научить ее всему. Он говорил, что она очень талантливая ученица.

Ася мечтала о следующем свидании, но Гришина мама, как назло, вернулась из Воронежа больная и засела дома, не выходя даже в магазин. Позвать Гришу к себе Ася стеснялась, да и был в этом всем какой-то нереальный кайф – переписываться, зная, что он за стеной, вспоминать, предвкушать.

– Ты что, влюбилась, что ли? – подозрительно спросила мама однажды утром.

– Я? – Ася презрительно фыркнула, но улыбку спрятать не смогла.

– Только любви твоей не хватало! – завелась мама. – У тебя экзамены! Ты и так дура, а теперь точно мозги отшибет!

Ася не слышала. Может, она и правда влюбилась? А так бывает?

Она напряглась, только когда увидела на телефоне напоминалку – месячные. Но ничего не началось. За последние три года задержка у нее случилась впервые.

И на следующий день не началось.

А к вечеру Ася не выдержала и купила тест.

И уже через полчаса сидела в ванной и смотрела на две полоски.

В голове было так же пусто, как и после секса. Как так получилось? Она же не это имела в виду...

Пятая неделя. Страшная тайна

Ася думала.

Никогда раньше она не думала столько, сколько сейчас.

Пыталась понять, каково это – быть беременной. Вслушивалась в себя, но ничего особенного не находила. В интернете то хвастались радостью материнства, то жаловались на токсикоз и перепады настроения...

Ася чувствовала себя как обычно.

За исключением того, что где-то внутри нее сейчас росло новое человеческое существо.

Ася не понимала, что делать дальше. Первоначальный план – ошарашить родителей и вообще всех вокруг – ей перестал нравиться. Никому и ничего говорить она не собиралась. Это была ее маленькая... то есть огромная тайна.

Ася вынырнула из размышлений и осмотрела одноклассников. Все более-менее корпели над самостоятельной. Морщили лоб, пытались списать у соседа, расстраивались или радовались. И ни один не знал ее страшной тайны! Это давало ощущение исключительности. Превосходства.

– Самохина, – без особого энтузиазма спросила математичка, – может, хоть сегодня что-то решишь? Для разнообразия?

Ася не стала спорить, склонилась к чистому листочку и принялась рисовать на нем цветочки.

Теперь она ломала голову над главной проблемой. Говорить ли Грише? Все-таки он тоже имеет к этому отношение... «Не скажу, – решила Ася, – пока можно, буду молчать. Это моя тайна!» А еще она боялась, что Гриша перестанет с ней общаться. В сети об этом много писалось: мужчины, особенно молодые, бросают женщин, как только узнают о беременности. А Асе нравилось переписываться с Гришей, улыбаться ему по-особенному во время случайных встреч... А может быть, еще раз заняться любовью? Да, не сексом, а именно любовью! Ася была почти уверена, что влюблена.

Прозвенел звонок, она сдала свой разрисованный листочек и вышла из класса с легким сердцем. Решение принято. Никому и ничего она не скажет. Во всяком случае пока.

* * *

Ася вошла в гостиную и поняла, что дело плохо. Во-первых, мама посреди рабочего дня бросила свои любимые цветочки и примчалась домой. Во-вторых, они с папой сидели рядом на затертом плюшевом диване и молчали. И смотрели на Асю.

– Привет, – сказала она, когда молчание стало совсем уж тягостным.

Вместо ответа мать двумя пальцами подняла со стола штуку, которую Ася сначала и не заметила.

Тест на беременность.

С двумя полосками.

В груди у Аси стало легко и весело.

– Отец в ванной нашел! – сообщила мама. – И сразу позвонил мне.

– Ну что? – скрестил руки на груди папа. – Будешь нам рассказывать сказки про подружку, которая заскочила провериться на беременность?

– Нет, – спокойно ответила Ася, усаживаясь в кресло напротив. – Это мое.

– Ты посмотри на нее... – начал папа, но мама не дала закончить.

– Ты беременна?! – поразились она так, как будто только что увидела эти две полоски. – От кого?!

– От Гриши. Соседа. Мы любим друг друга.

Асе становилось все легче и легче.

Видимо, тайна все-таки рвалась наружу все эти дни.

Родители замолчали и растерянно переглянулись. Ася поняла, что они готовились совсем к другому разговору – с враньем и слезами. Ася улыбнулась.

И тогда мама сделала то, чего не делала очень давно, с доисторических времен. Она шмыгнула носом, подошла и обняла Асю. Асе стало хорошо и уютно, как в детстве. Она уткнулась в маму и расплакалась от счастья. Ей все больше и больше нравилось быть беременной.

– Я не допущу, чтобы ты прошла через ад, который мне устроила твоя бабушка, – пафосно сказала мама и гордо

вскинула голову.

– Ну... зашибись, – проговорил отец.

* * *

А потом все завертелось так быстро, что Ася перестала удивляться. Мама куда-то позвонила. В квартиру ворвалась вкусно пахнущая тетя Вероника, Гришина мама, и кинулась обниматься.

– Бедная моя девочка, – запричитала она, – я этому олуху все его хозяйство поотрываю! Как он мог! Я ж ему все время говорила – предохраняйся, дурак!

– Не надо ему ничего отрывать! – испугалась Ася. И покраснела. Очень двусмысленно это прозвучало.

Но тетя Вероника совсем не смутилась, а, наоборот, умилилась:

– Ах ты маленькая, ах ты девочка моя! Он не заслуживает, чтоб такая нежная... Так!

Тут голос Вероники стал тверже стали:

– Так! Чтоб вы знали, что об аборте речь не идет. Не смейте даже думать! Я помогу, мы поможем! Это же так мило... Асенька, солнышко мое, ты же мне сама как дочечка, я ж так рада, что у Гриши наконец кто-то приличный...

– Ей шестнадцать. Бабы, вы что, с ума сошли? – подал голос Асин отец.

– Алексей! – прикрикнула Лариса. – Ты что, хочешь род-

ную дочь... ты хочешь, чтобы она... Да как ты смеешь вообще тут высказываться? В таком состоянии нужна поддержка родных! Уж я-то знаю! Никакого аборта!

И снова в ее голосе зазвенели интонации актрисы, которая играет Жанну д'Арк. Ася забилась в угол и смотрела на происходящее огромными глазами. Какой аборт? Кого на аборт? Зачем аборт?

Тут Ася вспомнила, что первоначальный план был именно такой. Беременность – аборт – внимание мамы. Но сейчас, когда этот самый аборт стал реальностью, ей стало страшно. Это ж больница. Наркоз. Ужас.

– Не надо... аборта... – пискнула она.

– Даже думать не смей! – еще раз подтвердила Вероника. – Выносим, выкормим, выходим. Будет расти всем на радость.

Ася успокоилась и улыбнулась. Ну и отлично. Ну и прекрасно. Ничего с ней делать не будут. Можно спокойно жить дальше.

– Если что, Богдан поможет, – сказала Вероника. – Вы ж знаете, лучшие врачи города в нашем распоряжении. Так что родим в лучшем виде. Ах ты маленькая, не переживай, это еще не скоро.

Ася моргнула. Она и не переживала. Она вообще не думала об этом.

Потом мамы обнялись и отправились на кухню «посидеть», как они любили. Лариса ради Вероники всегда доставала красивые бокалы и сервизные тарелки. В этот раз даже

папа на что-то сгодился, потому что Вероника сказала, что у нее стресс и нужно что-то покрепче. И Алексея отправили в магазин. Вино он, конечно, принес не то, второй раз идти отказался, бурча, что «баловство это все за такие деньги», получил тарелку жареной картошки и мрачно унес ее к ноутбуку со словами: «Пойду напишу».

Когда пришли Богдан Семенович с Гришей, мамы уже решили, как они назовут «нашу девочку», в какую школу ее отдадут, в какой вуз пристроят и куда отправят молодых в свадебное путешествие.

Богдан Семенович все понял быстро. И отвесил Грише подзатыльник.

У Гриши при этом было такое выражение лица, что Ася кинулась к Грише на грудь с криком:

– Не бейте его, это я виновата!

– Они что, в комп влезли? – шепотом спросил Гриша. – Переписку нашу прочитали?

– Тест на беременность нашли, – всхлипнула Ася.

– Что? – оторопел Гриша.

– Хоть один упрек в ее адрес, и ты труп, – отчеканил Богдан. – Сели оба.

Сели не только Гриша с Асей. Сели и Вероника с Ларисой. И даже Алексей, который пришел из соседней комнаты поздороваться, уселся на старенькую табуретку.

– Выхода два. Рожаем или не рожаем? – спросил Богдан.

Асю начало слегка поколачивать на нервной почве. Она

смотрела на каменное лицо Гриши и пыталась понять, что тот думает. Рассердился? Обиделся? Он больше не будет с ней? У нее задрожали губы и руки, и она кинулась к Грише на шею.

– Я люблю тебя, – всхлипнула она, – прости. Прости. Прости. Не сердись, я не думала, я не хотела. Я люблю... Только не сердись на меня... Пожа-а-алуйста...

Асе захотелось упасть на пол и замолотить ногами и руками, как в детстве. Она была так счастлива эти две недели. Как никогда в жизни. А сейчас у Гриши такое чужое лицо, и как это можно пережить? Она плакала, всхлипывала и вытирала слезы кулачками. А Гришино лицо расплывалось перед ней, и ей казалось, что он уходит от нее навсегда, и от этого она плакала еще безутешнее.

Она слышала гвалт, но не различала отдельные голоса. Но когда почувствовала на спине Гришины руки, среагировала мгновенно. Прижалась, уткнулась, вдохнула его запах, подавалась к нему всем телом.

– Тихо, тихо, тихо... – говорил Гриша.

И голос у него уже был нежный, а не злой.

– Я сам дурак...

– Идиот, – поддакнул Богдан.

– Горько! – сказала Вероника.

Когда успокоились, принесенное выпили, наготовленное съели, кто-то спросил:

– А жить они где будут?

Все удивленно обернулись на голос, который принадлежал Асиному папе. Все это время Алексей не принимал участия в бурном обсуждении, о нем почти забыли.

– Они же теперь типа семья, – усмехнулся он. – Жить должны вместе. А где?

Гриша беспомощно посмотрел на родителей. Ася – на Гришу.

– Вообще-то, по уму, – продолжал Алексей, – и свадьбу нужно сыграть. И так перед соседями стыдно...

– Мы твои соседи, – отмахнулась Вероника, – перед нами тебе стыдно? Нет, свадьбу можно пока не играть. Сейчас с этим не спешат. Слышали, Хью Грант женится? В пятьдесят семь лет, между прочим, на женщине, которая ему двух детей родила...

– Да-да-да. – Лариса остановила подругу, которая сутками сидела дома и была в курсе всех свадеб всех знаменитостей мира. – Но Леша прав, с жильем надо что-то думать.

Алексей с удивлением посмотрел на жену, которая впервые за много лет признала его правоту, и расправил плечи. Лариса же с мрачным видом осматривала отставшие в углах

кухни обои.

Впрочем, больше Алексею не удалось вставить свои пять копеек. Обсуждение вспыхнуло с новой силой.

Богдан Семенович был за то, чтобы снять квартиру и «пусть сами крутятся», но Вероника замахала на него руками:

– У Гриши экзамены! Ему готовиться...

– Ну так не он же залетел! – ответил Гришин папа. – Ему беременность экзамены сдать на помешает!

Слова «залетел» и «беременность», первый раз произнесенные вслух, повисли в воздухе. У Аси на глаза опять навернулись слезы, а взрослые посмотрели на Богдана с укоризной.

– Что? – сурово спросил он. – Не нравится, когда вещи своими именами называют? Ребенка сделать мозгов хватило, пусть сами выкручиваются. Я готов платить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.